

УДК 1(091)+81'22

DOI: 10.37482/2227-6564-V057

СКРИПНИК Константин Дмитриевич,
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры истории зарубежной и отечественной
философии Южного федерального университета
(г. Ростов-на-Дону). Автор 130 научных публика-
ций, в т. ч. 11 монографий и 6 учебных пособий*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2150-1571>

ИСТОКИ И ФОРМИРОВАНИЕ СИГНИФИКИ: РАННИЕ РАБОТЫ ВИКТОРИИ УЭЛБИ¹

Идеи, труды и сама личность леди Виктории Уэлби, интерес к которым возникает в комментирующей литературе лишь спустя 50 лет после ее ухода из жизни, практически не знакомы отечественному читателю. Между тем Виктория Уэлби не только была создателем новой науки о значении, которую она назвала сигнификой, но и сыграла серьезную роль в развитии контактов между учеными и философами своего времени, оказала влияние на многих из них, в частности Ч. Пирса и Ч. Огдена, а также на формирование движения сигнифики в Нидерландах. Хотя идеи сигнифики в полном объеме изложены в книгах Виктории Уэлби, опубликованных уже в XX веке, цель данной статьи – продемонстрировать особенности зарождения науки сигнифики в более ранних публикациях, в частности в статьях для журналов «Mind» и «The Monist». Важно также отметить, что в развитии идеи построения динамической теории значения можно проследить влияние эволюционной теории дарвинизма, а кроме того, увидеть и следы лингвистических и философских рассуждений природы языка более раннего времени. Значение в сигнифике определялось в эволюционной динамике как трехчленная структура, включающая такие стадии, или фазы: смысл, значение и значимость. Первые две определялись как до-вербальная, или инстинктивная, стадия и интенциональная, или волевая, стадия. На третьей стадии значение включало в себя и ценностные аспекты. Тем самым в сигнифике сочленились собственно органические, психологические, лингвистические и морально-аксиологические рассуждения.

Ключевые слова: Виктория Уэлби, сигнифика, наука о значении, динамическая теория значения.

В рецензии на широко известную книгу Ч. Огдена и А. Ричардса «Значение значения» Б. Рассел признает: «Когда в юности я изучал то, что называлось “философией” <...> – никто никогда не говорил мне о том, что такое “значение”. Позже я узнал о работе Леди Уэлби

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-00261.

*Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; e-mail: skd53@mail.ru

Для цитирования: Скрипник К.Д. Истоки и формирование сигнифики: ранние работы Виктории Уэлби // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 5. С. 137–144. DOI: 10.37482/2227-6564-V057

по этому вопросу, но не принял ее всерьез. Я полагал, что логика может быть достигнута, если принять как должное, что символы всегда, так сказать, прозрачны и никоим образом не искажают объекты, которые они должны были «означать». Чисто логические проблемы постепенно уводили меня все дальше и дальше от этой точки зрения» [1, р. 138]. Позднее, в книге «Мое философское развитие», Рассел, говоря о том, что примерно около 1917 года заинтересовался проблемой отношения языка и фактов, вновь упоминает леди Уэлби как автора книги об этой проблеме [2, р. 11].

В более близкое к нашему время в диссертации, посвященной проблеме значения, один автор, обращая внимание на то, что выражение «теория значения» означает разные вещи у разных исследователей, пишет: «История значения в двадцатом веке, полагаю, правильно должна бы начинаться с работ Виктории Уэлби. Уэлби была первой, думаю, рассматривавшей вопрос “Что такое значение?” в качестве вопроса, заслуживающего отдельного тщательного изучения» [3, р. 38]. Автор как будто отвечает на пожелание Виктории Уэлби, высказанное ею более чем столетием раньше: «...это, скорее, надежда на будущее, что один из наиболее практически полезных предметов – вопрос о значении и его условиях – будет рассмотрен со всей серьезностью» [4, р. 512]. Сама Уэлби предприняла важную, очень значимую и незаслуженно забытую с годами попытку ответить на вопрос «что такое значение?», выпустив в начале XX столетия книгу с таким названием [5].

Вскоре после выхода книга удостоилась внимания со стороны Ч. Пирса, написавшего в рамках своего долговременного сотрудничества с «The Nation» рецензию на нее; в данной рецензии Ч. Пирс описывает две книги – книгу Уэлби и «The Principles of Mathematics» Бертрانا Рассела. И хотя Ч. Пирс отмечает некоторую гротескность в объединении указанных работ в силу их совершенно разного характера, в самом начале своей рецензии признает, что обе они являются действительно важными книгами по логике. Да, книга Рассела не от-

носится к жанру литературы, а книга Уэлби – к научному жанру. Она «не представляет собой то, что обычно понимают под научной книгой. Она не является научным трактатом и свободна даже от незначительного оттенка педантичности и амбициозности. Разные люди оценят ее совершенно по-разному» [6, р. 144]. Ч. Пирс замечает, что в книге приведена собственная точка зрения автора, что обращено внимание на важнейший предмет логики (имеется в виду понятие значения), в прояснение которого автор, несомненно, внес важный вклад, в первую очередь – в указании трех порядков, или модусов, сигнификации. Поскольку изучение значения представлено в данной книге в каркасе новой, созданной Викторией Уэлби науки, которую она назвала сигнификой, Ч. Пирс подчеркивает, что лучше бы подобную науку (рассматривающую, кроме прочего, и значение) называть логикой, потому что вопрос, вынесенный в ее заглавие, являет собой «самый фундаментальный вопрос логики, который обычно получает поверхностные, формалистские (formalistic) ответы». Ч. Пирс совершенно верно отмечает то, что может быть названо одной из характерных черт подхода Виктории Уэлби к проблеме значения, – неангажированность только логической стороной дела, а приближение к тому, что она называет «сердцем этики языка», подразумеваемая под этим то, что современное понимание значения требует проникновения в образность речи. Идеи Виктории Уэлби, с точки зрения Ч. Пирса, заслуживают того, чтобы их обдумать.

Обдумывать действительно было что: проблемы, связанные со значением, на рубеже XIX–XX веков стали все чаще привлекать внимание исследователей. Лишь за первые 30 лет XX века появились значимые работы Ч. Пирса по семейотике (семиотике), М. Бреалья по семантике, Ф. де Соссюра по семиологии, Ч. Огдена и А. Ричардса по значению значения, оставшиеся в памяти и обсуждаемые до сих пор.

Если попытаться описать основные идеи сигнифики – как те, что лежат в ее основе, так и те, что указывают на ее практическую ценность и различные ее приложения, то, конечно,

следует обратиться к последним трудам Виктории Уэлби – книгам 1903 [5] и 1911 [7] годов, а также статье, опубликованной в Encyclopedia Britannica в 1911 году [8]. В данных работах обнаруживаем определения сигнифики. Так, уже в первом параграфе второй из названных книг читаем: «Сигнифика коротко и предварительно может быть определена как изучение природы значимости (significance) во всех ее формах и отношениях и, таким образом, ее жизнедеятельности в каждой возможной сфере человеческой целесообразной деятельности» [7, p. vii]. В энциклопедической статье сигнифика характеризуется как наука «о значении или изучение значимости при том условии, что достаточное значение придается ее практическому аспекту как методу мышления (mind), который включен во все виды умственной (mental) активности, включая логику» [8, p. 78].

Понятно, что высказанное в вышеуказанных текстах является результатом предшествующей работы, предшествующих публикаций, анализ которых и предпринимается далее. Речь пойдет о статьях, опубликованных в журналах «Mind» [9] и «The Monist» [4], а также о статье в словаре Болдуина [10]. Данные исследования интересны тем, что в них впервые появляется соответствующая терминология, впервые формулируются идеи, составившие концептуальный каркас теории сигнифики. С другой стороны, и сами эти публикации – не только «первичные и подготовительные» материалы, но и итог предыдущих рассмотрений; кроме того, они знаменуют некую «границу» между первыми публикациями Виктории Уэлби, которые в значительной степени рассылались в «приватном» порядке, и последними книгами, представленными широкой публике. Вернее, это были материалы «перехода» указанной «границы», потому что были опубликованы уже в серьезных философских журналах того времени.

Сравним энциклопедическую статью с той, что была опубликована в словаре Болдуина девятью годами ранее. После приведенного выше определения дается ссылка на статью 1902 года, где речь идет о том, что «(1) Сигнифика импли-

цирует аккуратное различие между (a) смыслом, или сигнификацией (sense or signification), (b) значением, или интенцией (meaning or intention), и (c) значимостью (significance), или идеальной значимостью (ценностью, worth). Референция первого преимущественно вербальная (или, скорее, чувствительная (sensal)), второго – волевая. Метод умственного обучения нацелен на значимость, а референция значимости – моральная (например, мы говорим о некотором событии, “значимость которого не может быть переоценена”) <...> Сигнифика занимается отношением знаков в широком смысле слова к каждому из указанных (аспектов. – К.С.). (2) Предлагаемый метод умственного обучения, нацеленный на концентрацию интеллектуальных активностей (деятельностей) на том, что по имплицитному допущению конституирует начальную и конечную цель любого обучения – то, что сейчас безразлично называют его значением или смыслом, его импортом или значимостью...» [10].

В статье в Британской энциклопедии, гораздо большей по объему, автор, основываясь на данном определении, разворачивает его в широкую картину уже проделанной работы, говоря, что речь идет о процессах означивания не только в языке, но и во всех других видах человеческой деятельности, о возможности практического приложения к ним принципов и методов сигнифики. Статья утверждает необходимость ректификации ментальной установки и увеличения «интерпретативной силы, которая должна идти вслед принятию сигнификационной точки зрения и ее метода на протяжении всех этапов и форм ментального обучения в процессе тех требований, которые выдвигаются непредвиденными обстоятельствами жизни» [8, p. 79–80]. Но, пожалуй, следует обратить внимание еще на два положения, содержащиеся в статье 1902 года: первое подчеркивает цель сигнифики, в соответствии с которой значение форм выражения (как вербальных, так и любых других) связывается не с каким-либо отдельным аспектом, а с их совокупностью, немаловажное место среди которых занимает аксиологический аспект:

«Сигнифика предоставляет также средства для привлечения внимания к отставанию языка в сравнении с другими видами человеческой коммуникации и к неотложной необходимости стимулирования мышления посредством создания широкого интереса к логической, практической, равно как и эстетической, ценности всех видов выражения» [10]. Что касается второго утверждения, то, подчеркивая, что в разработке сигнифики проделана большая работа, авторы заканчивают статью следующим образом: «Сигнифика как наука будет сосредоточивать и координировать, интерпретировать, связывать и концентрировать усилия, направленные на выявление значений в любой форме и, делая это, будет ясно и отчетливо классифицировать разнообразные применения сигнифицирующих свойств» [10].

Упоминание авторов, а не автора в предшествующем абзаце не является ошибкой: статья 1902 года написана Викторией Уэлби в соавторстве с Д. Стаутом и Д. Болдуином. С первым (и его женой) Викторией Уэлби переписывалась с 1894 года и практически до последнего года своей жизни. Со вторым – составителем и издателем указанного словаря – леди Уэлби познакомилась на конгрессе по экспериментальной психологии, где она выступила с докладом [11], результирующим некоторые ее предыдущие исследования. (Кроме данной статьи, написанной в соавторстве, еще две работы Виктории Уэлби вошли в словарь Болдуина.) Представляется важным подчеркнуть это отношение со стороны маститых ученых к человеку, не принадлежащему к их кругу, человеку, не имеющему никакого специального и систематического образования – в общем, «самоучке». Подобное отношение было подлинной характеристикой эпохи, эпохи внимания к новому, неординарному, открывающему новые исследовательские горизонты, непредвзятому и потому более «критичному» взгляду. И этот факт, и факт многочисленной переписки, которую вела леди Уэлби [12], свидетельствуют об атмосфере открытости и свободного обмена мнениями между учеными, принадлежащими к самым разным областям знания.

Интеллектуальную атмосферу того времени характеризует значительное влияние эволюционных идей Дарвина. Этого влияния не избежала и Виктория Уэлби [13], и ее идеи о динамике значения, о которых скажем ниже, не могли не оказаться привлекательными, ведь, по сути дела, сигнифика представляет собой «динамическую, генеративную» теорию значения. Если же смотреть в более раннее время, то эти идеи возможно связать не только с эволюционными новациями Дарвина, но и с исследованиями Шлейермахера по герменевтике и рассмотрением языка у Гамана, Гердера, Кондильяка и Локка, как это показала Д. Нойбауэр на примере ряда ранних статей Виктории Уэлби [13]. Подробное обоснование данной связи требует специального рассмотрения; здесь же можно отметить не только развитие взгляда на язык как на моделирующую систему, но и то, что язык как знаковая система стал изучаться и в связи с подобными (знаковыми) системами более низкого уровня (системами, имеющими место в животном мире), и в связи с более глобальными процессами космического уровня, о которых Виктория Уэлби пишет в [5].

Выходу статей в «Mind» и «The Monist» предшествовали две интересные книги, одна из которых [14] была разослана по знакомым и встречена ими с большой степенью непонимания; вторая же [15] представляла собой сборник тех «несуразностей», двусмысленностей и прямых ошибок в использовании языка, встретившихся Викторией Уэлби в ходе ее предшествующих занятий. Одно из первых таких занятий было сопряжено с интересом к религиозным течениям современной ей Англии: она обратила внимание на те языковые трудности, с которыми сталкивается изложение этих учений. Последующие занятия убедили Уэлби в том, что подобные проблемы не просто связаны с религиозной проблематикой, но носят более фундаментальный характер, определяемый в значительной степени тем различием, которое она увидела между «буквальным» и «фигуральным» использованием языка, ошибками в применении метафор и аналогий.

Текст [4] также начинается с фиксации того, что даже учителя, как правило, не воспринимают используемые ими метафоры и аналогии всерьез; они в глазах учителей есть либо просто индифферентные обороты, либо просто риторические фигуры. С этим нельзя согласиться, утверждает Виктория Уэлби, необходимо лучше изучить то, какую роль они (и «символизмы» в целом) играют в «ритуалах выражения», а также и то, чем еще кроме «символизма» является язык и что именно в роли «символизма» он символизирует. Образность языка «переходит» от символического к реальному миру и обратно, в результате чего фразы и слова нашего языка находятся как бы «и ни здесь, и ни там». В силу данной ситуации леди Уэлби предлагает и проводит исследование отношения между «метафорическим», «косвенным», или «фигуральным», значением с одной стороны и значением «буквальным», «прямым», «актуальным» с другой, как справедливо отмечает С. Петрилли [16]. «История языка, – пишет Виктория Уэлби, – его отношение к мышлению, сфера выражения и репрезентации, функция фигуративного и символического, рост всех средств ментального общения от простейших рудиментных жестов и криков до моментов высшей интеллектуальной сложности – все это либо игнорировалось, либо принималось как само собой разумеющееся на радикальной небезопасной основе» [4, р. 423].

На самом деле значение слов меняется не только со временем – каждое слово несет в себе историю своих использований, – но и от человека к человеку. Нам только кажется, что мы воспринимаем слова и фразу именно в том смысле, в каком их использует говорящий; на деле же мы зачастую ошибаемся, приписывая им наши собственные значения. Не существует постоянно, раз и навсегда установленных значений (Уэлби называет их «Plain Meaning», да еще и пишет с большой буквы), поэтому «интерпретация в интеллектуальном смысле становится, с нашей настоящей точки зрения, тем, что делает нас действительно людьми», заключает она.

Интерпретация связана с предположением о «третьей области», или «третьей ценности», значения, которая, собственно, и характеризует его природу: когда значение не является ни полностью буквальным, ни полностью фигуральным – и то, и другое присутствует в значении в различной степени. Именно это дает рост так называемым интерпретативным путям: следуя по ним, «буквальное» и «фигуральное» комбинируются и тем самым порождают «потенциально неограниченный ранг нюансов значения». Таким образом, язык понимается как символическая система наряду с иными подобными системами. Именно здесь появляется и формулируется идея интерпретации в качестве перевода как внутри системы, так и между системами – это идея, весьма сильно напоминающая тезисы о переводе, высказанные Р. Якобсоном; с другой стороны, если это так, то методом языка как символической системы выступает пикториальный метод, о котором идет речь в [5].

Впервые понятие «интерпретация» появляется в названии статьи [9], начинающейся с утверждения о том, что одно из наиболее важных для нас понятий – понятие значения – все еще остается неизученным предметом. Интерпретация представляет собой третью стадию процесса сигнификации, но, чтобы подчеркнуть, что интерпретация имеет место и на двух первых стадиях, Уэлби вводит вместо понятия «интерпретация» понятие «значимость». Одновременно вводится и ряд иных терминов, таких как «сигнифицировать», «сигнализировать», «сигнифициант» (или «сигнификант» – индивид, практикующий сигнифику), а также сам термин «сигнифика». Здесь же впервые появляется триада «смысл – значение – значимость», которая означает три стадии, три уровня или три фазы в развитии одной способности, объединяющей и опыт, и практику, и поведенческие характеристики. В этом, как было отмечено, обнаруживается влияние дарвинизма: как подчеркивает С. Петрилли, «Уэлби рассматривает развитие способности человека к выражению, интерпретации и в эволюционной перспективе» [17, р. 220].

«Смысл» указывает на уровень до-рациональной органической жизни, на непосредственный ответ на окружающую среду (именно поэтому, вероятно, термин «sense» подходит здесь как нельзя лучше в силу своей «двузначности») и одновременно соответствует тому, что Виктория Уэлби отмечает специально, говоря об отсутствии у слова собственного смысла: смысл слова определяется обстоятельствами его использования, состоянием ума, характеристиками универсума рассуждения. «Значение» связано с волевыми и интенциональными характеристиками процесса сигнификации, т. е. как бы следующим его уровнем, где контекст использования сопрягается с коммуникативными намерениями. Третья фаза характеризуется тем, что вбирает в себя две первые и кроме них привносит еще и следствия, и ценность некоторого события или опыта; на данной фазе речь идет о действительной значимости чего-либо для индивида. Процесс «реконструкции» значения оказывается достаточно сложным: само значение включает в себя указанные три фазы, понимаясь еще и как результат интерпретации в широком смысле слова.

Можно теперь определить место и значение рассмотренных выше ранних произведений Виктории Уэлби в процессе становления и формирования разработанной ею сигнифики как науки о значении: проанализированные нами статьи в определенной степени высту-

пали первичной «концептуализацией» результатов ее исследований языковых двузначностей, трудностей корректного использования языка (метафор и аналогий в первую очередь). Одновременно в данных статьях создана необходимая база для более серьезного и глубокого развития сигнифики, немаловажную роль в котором сыграли и предшествующая история изучения языка и его соотношения с миром в европейской лингвистике и эволюционные идеи Дарвина, распространившиеся в викторианской Англии (следует отметить, что объяснительные и интерпретационные схемы, использованные Дарвином, весьма близки тем объяснениям, что были предложены исследователями языка в предшествующее время).

Результаты исследований нашли свое продолжение в знаменитой «зрелой» книге Виктории Уэлби [5], на первых страницах которой читаем: «Строго говоря, нет такой вещи, как смысл слова; есть только смысл, в котором оно используется – обстоятельства, состояние ума, референция, “универсум дискурса”, принадлежащие ему. Значение слова есть интенция, которую оно желает передать – интенция использующего слово. Значимость всегда многообразна и интенсифицирует свой смысл, как и свое значение, выражением своей важности, своей апелляцией к нам, своим моментом для нас, своей эмоциональной силой, своей идеальной ценностью, своим моральным аспектом, своим универсальным или социальным рангом» [3, p. 5–6].

Список литературы

1. Russell B. The Meaning of Meaning: Review of Ogden and Richards' *The Meaning of Meaning* // The Collected Papers of Bertrand Russell / ed. by B. Frohmann, J.G. Slater. London: Routledge, 1988. Vol. 9. 720 p.
2. Russell B. My Philosophical Development. London: Georg Allen & Unwin Ltd, 1959. 207 p.
3. Dale R.E. The Theory of Meaning. A Dissertation Submitted to the Graduate Faculty in Philosophy in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. The City University of New York, 1996. 286 p.
4. Welby V. Meaning and Metaphor // *Monist*. 1893. Vol. 3, № 4. P. 510–525.
5. Welby V. What Is Meaning? Studies in the Development of Significance. Repr. of the ed. London, 1903. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 1983. 321 p.
6. Peirce C.S. Contributions to *The Nation*. Vol. 3. Comp. by K.L. Ketner, J.E. Cook. Lubbock: Texas Tech University Press, 1979. 306 p.

7. Welby V. Significs and Language. Repr. of the ed. London, 1911. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 1985. 435 p.
8. Welby V. Significs // Encyclopaedia Britannica/ 11th ed. N. Y., 1911. Vol. XXV. P. 78–81.
9. Welby V. Sense, Meaning and Interpretation // Mind. 1896. Vol. V, № 17. P. 24–37; № 18. P. 186–202.
10. Welby V., Stout G., Baldwin J. Significs // Dictionary of Philosophy and Psychology in Three Volumes / ed. by J. Baldwin. N. Y.: Macmillan, 1902. Vol. 2. P. 529.
11. Welby V. The Use of 'Inner' and 'Outer' in Psychology: Does the Metaphor Help or Hinder? A Small Collection of Extracts Bearing Upon This Question Respectfully Submitted to the International Congress of Experimental Psychology, August 1892. For Private Circulation. Grantham: W. Clarke (Late L. Ridge). (An Outsider).
12. Skripnik K.D. Философское эпистолярное наследство: феномен леди Виктории Уэлби // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2019. Т. 12, № 2. С. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-2-131-143>
13. Neubauer D. Lady Welby: Significs and the Interpretative Mind // Semiotica. 2013. № 196. P. 243–260.
14. Welby V. Links and Clues. London: Macmillan & Co., 1881. 414 p.
15. Welby V. Witnesses to Ambiguity: A Collection. Grantham: W. Clarke, 1891.
16. Petrilli S. Signifying and Understanding: Reading the Works of Victoria Welby and the Signific Movement. Berlin: De Gruyter Morton, 2009. 1048 p.
17. Petrilli S. Welby's Significs, Its Development and International Ramifications // International Handbook of Semiotics / ed. by P.P. Trifonas. Dordrecht: Springer, 2015. P. 217–235.

References

1. Russell B. The Meaning of Meaning: Review of Ogden and Richards' *The Meaning of Meaning*. Frohmann B., Slater J.G. (eds.). *The Collected Papers of Bertrand Russell*. London, 1988. Vol. 9. 720 p.
2. Russell B. *My Philosophical Development*. London, 1959. 207 p.
3. Dale R.E. *The Theory of Meaning*. A Dissertation Submitted to the Graduate Faculty in Philosophy in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. The City University of New York, 1996. 286 p.
4. Welby V. Meaning and Metaphor. *Monist*, 1893, vol. 3, no. 4, pp. 510–525.
5. Welby V. *What Is Meaning? Studies in the Development of Significance*. Repr. of the ed. London, 1903. Amsterdam, 1983. 321 p.
6. Peirce C.S. *Contributions to The Nation*. Vol. 3. Lubbock, 1979. 306 p.
7. Welby V. *Significs and Language: The Articulate Form of Our Expressive and Interpretative Resources*. Repr. of the ed. London, 1911. Amsterdam, 1985. 435 p.
8. Welby V. Significs. *Encyclopaedia Britannica*. New York, 1911. Vol. 25, pp. 78–81.
9. Welby V. Sense, Meaning and Interpretation. *Mind*, 1896, vol. 5, no. 17, pp. 24–37; no. 18, pp. 186–202.
10. Welby V., Stout G., Baldwin J. Significs. Baldwin J.M. (ed.). *Dictionary of Philosophy and Psychology*. New York, 1902. Vol. 2, p. 529.
11. Welby V. *The Use of 'Inner' and 'Outer' in Psychology: Does the Metaphor Help or Hinder?* A Small Collection of Extracts Bearing Upon This Question Respectfully Submitted to the International Congress of Experimental Psychology, August 1892. For Private Circulation. Grantham. (An Outsider).
12. Skripnik, K.D. Filosofskoe epistol'noe nasledstvo: fenomen ledi Viktorii Uelbi [On the Epistolary Heritage in Philosophy: The Phenomenon of Victoria, Lady Welby]. *Filosofskiy zhurnal*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-2-131-143>
13. Neubauer D. Lady Welby: Significs and the Interpretative Mind. *Semiotica*, 2013, no. 196, pp. 243–260.
14. Welby V. *Links and Clues*. London, 1881. 414 p.
15. Welby V. *Witnesses to Ambiguity: A Collection*. Grantham, 1891.
16. Petrilli S. *Signifying and Understanding: Reading the Works of Victoria Welby and the Signific Movement*. Berlin, 2009. 1048 p.
17. Petrilli S. Welby's Significs, Its Development and International Ramifications. Trifonas P.P. (ed.). *International Handbook of Semiotics*. Dordrecht, 2015, pp. 217–235.

DOI: 10.37482/2227-6564-V057

Konstantin D. Skripnik

Southern Federal University;
ul. Bol'shaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2150-1571> e-mail: skd53@mail.ru

THE SOURCES AND FORMATION OF SIGNIFICS: VICTORIA WELBY'S EARLY WORKS

The interest in the ideas, works and personality of Victoria Lady Welby, which are practically unknown to Russian scholars, was first generated in commentaries and studies as late as fifty years after her death. Meanwhile, Lady Welby was not only the founder of a new science of meaning, which she called *significs*, but also played an important role in connecting different scholars and philosophers of her time as well as influenced the development of many of them, including C. Ogden and C. Peirce and members of the Signific Movement in the Netherlands. Although the fundamental ideas of significs are fully presented in her books published in the 20th century, this paper focuses on Welby's early articles in the journals *Mind* and *The Monist*. Noteworthy, it is not hard to see the influence of Darwin's evolutionary theory in the development of significs as well as to find the traces of preceding linguistic and philosophical considerations of the nature of language in it. Significs defines meaning in the evolutionary dynamics as a three-part structure that includes three stages or phases: sense, meaning and significance. Sense is defined as a pre-rational, pre-verbal or instinctive stage, while meaning as intentional or volitional stage. At the third stage, it includes sense, meaning and value. Thus, significs combines organismic, psychological, linguistic, practical, as well as moral and axiological aspects.

Keywords: *Victoria Lady Welby, significs, science of meaning, dynamic theory of meaning.*

Поступила: 16.05.2020

Принята: 17.10.2020

Received: 16 May 2020

Accepted: 17 October 2020

For citation: Skripnik K.D. The Sources and Formation of Significs: Victoria Welby's Early Works. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 5, pp. 137–144. DOI: 10.37482/2227-6564-V057